

Некоторые заметки о взглядах русских классиков на литературное творчество

Курбакова Марина Андреевна

кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков,
Московский политехнический университет. Россия, г. Москва. ORCID: 0000-0002-1173-921X.
Researcher ID: AAI-2014-2020. E-mail: mkurbakova@inbox.ru

Аннотация. Предметом исследования в данной статье являются метапоэтические данные писателей, содержащиеся в их литературно-критическом и эпистолярном наследии. Тема работы обусловлена проводимым эстетическим анализом степени и характера преемственности пушкинской традиции в творчестве русских писателей XIX в. Целью работы является рассмотрение метапоэтических данных наследия Пушкина и Тургенева, выявление их характерных особенностей. В данной работе использовались эстетический и историко-литературный методологические подходы. Исследование проведено методом сплошной выборки. Представлены результаты осмысления заявленной темы. Новизна исследования видится в попытке осмысления пушкинской и тургеневской метапоэтики в рамках эстетического анализа, выборке ключевых идей о литературном творчестве и объединении их в одной работе. Актуальность исследования обусловлена задачами последовательного рассмотрения метапоэтики, ее общего вектора и нюансов для детализации вопросов преемственности. В процессе исследования выполнен обзор корпуса работ писателей, имеющих глубокие познания и теоретически обоснованную позицию в указанном вопросе, что позволяет сделать представленные в исследовании выводы: краткость, точность, правдивость присуща обоим мастерам малых жанров, Тургенев наследует элементы пушкинской эстетики, хотя и не является поэтом; углубляет, развивает и трансформирует романтический психологизм; пушкинский текст сфокусирован на национальной самобытности, порой на историзме; тургеневский – больше на самоинтерпретации, автопсихологизме. Результаты и материалы исследования могут быть использованы на занятиях по русской литературе XIX в. в средней и высшей школе, а также на специализированных семинарах филологических факультетов ВУЗов.

Ключевые слова: метапоэтический текст, метапоэтика Пушкина, метапоэтика Тургенева, творчество, критика, эпистолярное наследие.

Понятие «метапоэтика» появилось относительно недавно. В первом томе «Три века русской метапоэтики: легитимация дискурса» под редакцией К. Э. Штайн и Д. И. Петренко под метапоэтикой понимают «поэтику по данным метапоэтического текста (языка, на котором описывается язык-объект) и метатекста, поэтику самоинтерпретации автором своего или чьего-то другого текста» [6, с. 607]. В этом исследовании авторы подвергают глубокому анализу пушкинский метатекст и выявляют ключевые идеи метапоэтического текста, вводя понятие «метапоэтики преобразования (преображения) и установления» [6, с. 113].

Метапоэтический контекст творчества И. С. Тургенева уже подвергался исследованию в работе Д. А. Чугуевой «Жанры эпической прозы в метапоэтике И. С. Тургенева» [9], в частности, автор исследовал мнения писателя о романном творчестве. По мнению Тургенева, создатель романа берет на себя большую историческую ответственность, он обязан представить правдоподобные типы, что для посредственного писателя недостижимо; у писателя должно быть понимание художественной правды, он призван описывать существующий типаж; писатель указывает на компоненты, которые должны присутствовать в романе, его признаки, а также подробно говорит о том, каких черт у романа быть не должно.

Предметом исследования в нашей статье является уровень метапоэтического текста обоих классиков. Литературно-критические статьи и эпистолярный писателя отражает особенности его метапоэтической системы, прослеживает механизм и траекторию создания литературных произведений в качестве исследователя текстов – своего и других авторов. Метапоэтические данные ценны тем, что они отражают не только результат творческой деятельности, а часто описывают сам процесс выработки отдельного уникального научного знания. «Автор, создающий художественное пространство, а также ... метапоэтические ссылки, обладает энциклопедическим складом ума, его тексты и художественные, и метапоэтические, каждой строкой свидетельствуют об этом, иначе бы не состоялось динамического построения

мира художника» [10, с. 7]. Метапоэтика отдельного автора таким образом представляет собой особый сплав различных знаний (часто лингвистики, литературоведения, истории, критики, фольклористики, культурологии, философии, эстетики) и составляет авторский код, или идиостиль (особый исследовательский почерк).

Критические произведения классиков имеют ключевое значение, поскольку совокупность их мнений, знаний, высказываний о литературном процессе образует сложный дискурс, на котором строится алгоритм литературоведческой деятельности современных критиков, редакторов и переводчиков. Письма Пушкина и Тургенева дают интереснейший материал для разрешения еще недостаточно изученного вопроса о многообразии и единстве авторского образа в творчестве поэта, при этом письма Пушкина порой представляют целые полемические статьи по критике.

Жанровый и тематический диапазон метапоэтических данных представлен в эпистолярной, критических статьях, исследованиях, литературных и житейских воспоминаниях, мыслях и замечаниях. Исследование проводилось методом сплошной выборки, в рамках эстетического анализа творчества поэта.

Для нас представляют особую ценность высказывания авторов о литературном процессе в аспекте поиска контрастных и типологически общих параметров. Приводим основные, важные для формулировки выводов цитаты писателей в таблице, очерчивающие круг их литературоведческих интересов:

Таблица 1

Сопоставительная таблица по произведениям авторов

Пушкин
О стихосложении и романтизме «А в повести «Mardoche» Musset первый из французских поэтов умел схватить тон Байрона в его шуточных произведениях, что вовсе не шутка» [5, т. 9, с. 354]. «Вот Тредьяковский, Василий Кирилович, – вот этот был почтенный и порядочный человек. Его филологические и грамматические изыскания очень замечательны. Он имел о русском стихосложении обширнейшее понятие, нежели Ломоносов и Сумароков» [там же, с. 389]. «Английская поэзия стала влиять больше, чем французская, и это хорошо, так как французская робка и неустойчива?» [там же, с. 69]. «Кстати: я заметил, что все ... имеют у нас самое темное понятие о романтизме» [5, т. 6, с. 162]. «Читая жаркие споры о романтизме, я вообразил, что и в самом деле нам наскучила правильность и совершенство классической древности и бледные, однообразные списки ее подражателей, что утомленный вкус требует иных, сильнейших ощущений и ищет их в мутных, но кипящих источниках новой, народной поэзии. Мне казалось, однако, довольно странным, что младенческая наша словесность, ни в каком роде не представляющая никаких образцов, уже успела немногими опытами притупить вкус читающей публики; но, думал я, французская словесность, всем нам с младенчества и так коротко знакомая, вероятно, причиною сего явления. Искренно признаюсь, что я воспитан в страхе почтеннейшей публики и что не вижу никакого стыда угождать ей и следовать духу времени. Это первое признание ведет к другому, более важному: так и быть, каюсь, что я в литературе скептик (чтоб не сказать хуже) и что все ее секты для меня равны, представляя каждая свою выгодную и невыгодную сторону. Обряды и формы должны ли суеверно поработать литературную совесть?» [там же, с. 279–280]. «Ты прав в отношении романтической поэзии. Но старая ... классическая, на которую ты нападаешь, полно существует ли у нас? это еще вопрос» [там же, с. 94].
Об исторических фактах «Кстати, недавно в одной исторической статье сказано было, что <i>Минину дали дворянство и боярство</i> , но что спесивые вельможи не допустили его в думу и принудили в 1617 г. удалиться в Нижний Новгород. – Сколько несообразностей! Минин никогда не бывал боярином; он в думе заседал, как <i>думный дворянин</i> ; в 1616 их было всего два: он и Гаврила Пушкин. Они получали по 300 р. окладу. О годе его смерти нет нигде никакого известия; <i>полагают</i> , что Минин умер в Нижнем Новгороде, потому что он там похоронен и что в последний раз упомянуто о нем в списке дворцовым чинам в 1616» [5, т. 9, с. 242]. Поэт делает точные обобщения: «...что нас очаровывает в историческом романе – это то, что историческое в них есть подлинно то, что мы видим...» [там же, с. 302].
О грамматике русского языка «Чем богаче язык выражениями и оборотами, тем лучше для искусного писателя. Письменный язык оживляется поминутно выражениями, рождающимися в разговоре, но не должен отречься от приобретенного им в течение веков. Писать единственно языком разговорным – значит не знать языка» [5, т. 9, с. 199]. «Грамматика не предписывает законов языку, но изъясняет и утверждает его обычаи» [там же, с. 377].

Продолжение табл. 1

О важной роли и необходимости национальной самобытности произведения «Не решу, какой словесности отдать предпочтение, но есть у нас свой язык; смелее! – обычаи, история, песни, сказки – и проч. [5, т. 9, с. 256]. «Зачем писателю не повиноваться принятым обычаям в словесности своего народа, как он повинуется законам своего языка? Он должен владеть своим предметом, несмотря на затруднительность правил, как он обязан владеть языком, несмотря на грамматические оковы» [там же, с. 279–280]. «По твоём отъезде перечел я Державина всего, и вот мое окончательное мнение. Этот чудак не знал ни русской грамоты, ни духа русского языка (вот почему он и ниже Ломоносова). Он не имел понятия ни о слоге, ни о гармонии – ни даже о правилах стихосложения. Вот почему он и должен бесить всякое разборчивое ухо. Он не только не выдерживает оды, но не может выдержать и строфы (исключая чего, знаешь). Что ж в нем: мысли, картины и движения истинно поэтические; читая его, кажется, читаешь дурной, вольный перевод с какого-то чудесного подлинника. Ей-богу, его гений думал по-татарски – а русской грамоты не знал за недосугом. Державин, со временем переведенный, изумит Европу, а мы из гордости народной не скажем всего, что мы знаем об нем (не говоря уж о его министерстве). У Державина должно сохранить будет од восемь да несколько отрывков, а прочее сжечь» [там же, с. 160].		
О юморе «Недовольные» (автора Загоскина. – М. К.) в самом деле скучная, тяжелая пьеса, писанная довольно легкими стихами. Лица, выведенные на сцену, не смешны и не естественны. Нет ни одного комического положения, а разговор, пошлый и натянутый, не заставляет забывать отсутствие действия. Г-н Загоскин заслужил благосклонность публики своими романами. – В них есть и живость воображения, и занимательность, и даже веселость, это бесценное качество, едва ли не самый редкий из даров» [5, т. 9, с. 236].		
Пушкин		Тургенев
О чувстве соразмерности и сообразности, краткости, точности, простоте и лаконичности (и в этом он созвучен Тургеневу, который так же считал это правило неизблемым)		
О чувстве соразмерности и сообразности, краткости, точности, простоте и лаконичности (и в этом он созвучен Тургеневу, который так же считал это правило неизблемым)	«Истинный вкус состоит не в безотчетном отвержении такого-то слова, такого-то оборота, но в чувстве соразмерности и сообразности» [5, т. 9, с. 14]. «Идиллии Дельвига для меня удивительны. Какую силу воображения должно иметь, дабы так совершенно перенестись из 19 столетия в золотой век, и какое необыкновенное чутье изящного, дабы так угадать греческую поэзию сквозь латинские подражания или немецкие переводы, эту роскошь, эту негу, эту прелесть более отрицательную, чем положительную, которая не допускает ничего напряженного в чувствах; тонкого, запутанного в мыслях; лишнего, неестественного в описаниях!» [там же, с. 22–23]. «В зрелой словесности приходит время, когда умы, наскучившие однообразными произведениями искусства, ограниченным кругом языка условленного, избранного, обращаются к свежим вымыслам народным и к странному просторечию, сначала презренному» [там же, с. 290]. «Мы не только еще не подумали приблизить поэтический слог к благородной простоте, но и прозе стараемся придать напыщенность, поэзию же, освобожденную от условных украшений стихотворства, мы еще не понимаем. Опыты Жуковского и Катенина были неудачны не сами по себе, но по действию, ими произведенному» [там же, с. 291].	«Когда вы пишете, пишете как можно проще. Мысль может быть какая угодно: чем новее, чем оригинальнее, тем лучше; выражение же ее никогда не должно быть вычурно. Посмотрите у Шекспира: в самых высоких и трагических местах он переходит в прозу. Вычурность, подчеркивания и т. п. большею частью служат прикрытием пошлости и посредственности» [8, т. 12/1, с. 302].
О пошлости в литературе	«Для удовлетворения публики, всегда требующей новизны и сильных впечатлений, многие писатели обратились к изображениям отвратительным, мало заботясь об изящном, об истине, о собственном убеждении. Но нравственное чувство, как и талант, дается не всякому. Нельзя требовать от всех писателей стремления к одной цели. Никакой закон не может сказать: пишете именно о таких-то предметах, а не о других. ... Требовать от всех произведений словесности изящества или	«Появление пошлости бывает полезно в жизни; оно ослабляет слишком высоко настроенные струны, отрезвляет самоуверенные или самозабвенные чувства, напоминая им свое близкое родство с ними... мы не думаем, чтобы поэзия отсутствовала в нашей текущей литературе, несмотря на все упреки в прозаичности и пошлости, которым она часто подвергается; но мы понимаем желание читателей

Продолжение табл. 1

	нравственной цели было бы то же, что требовать от всякого гражданина беспорочного житья и образованности» [5, т. 9, с. 136]. «Скажут, что критика должна единственно заниматься произведениями, имеющими видимое достоинство; не думаю. Иное сочинение само по себе ничтожно, но замечательно по своему успеху или влиянию; и в сем отношении <i>нравственные наблюдения важнее наблюдений литературных</i>» [там же, с. 32]. «Они гнушаются просторечием и заменяют его простомыслием» [там же, с. 333].	насладиться гармонией стиха, обаянием мерной лирической речи» [7, т. 4, с. 524].
Тонкие знатоки французской словесности	«Мы не полагаем, чтобы нынешняя раздражительная, опрометчивая, бессвязная французская словесность была следствием, политических волнений). В словесности французской совершилась своя революция, чуждая политическому перевороту, ниспровергшему старинную монархию Людовика XIV. В самое мрачное время революции литература производила приторные, сентиментальные, нравоучительные книжки. Литературные чудовища начали появляться уже в последние времена кроткого и благочестивого Восстановления (Restauration). Начало сему явлению должно искать в самой литературе. Долгое время покорствовав своенравным уставам, давшим ей слишком стеснительные формы, она ударились в крайнюю сторону и забвение всяких правил стала почитать законною свободой. Мелочная и ложная теория, утвержденная старинными риториками, будто бы польза есть условие и цель изящной словесности, сама собою уничтожилась. Почувствовали, что цель художества есть идеал, а не нравоучение. Но писатели французские поняли одну только половину истины неоспоримой и положили, что и нравственное безобразие может быть целию поэзии, то есть идеалом! Прежние романисты представляли человеческую природу в какой-то жеманной напыщенности; награда добродетели и наказание порока были непременно условием всякого их вымысла: нынешние, напротив, любят выставить порок всегда и везде торжествующим и в сердце человеческом обретают только две струны: эгоизм и тщеславие. Таковой поверхностный взгляд на природу человеческую обличает, конечно, мелкомыслие, и вскоре так же будет смешон и приторен, как чопорность и торжественность романов Арно и г-жи Котен. Покамест он еще нов, и публика, то есть большинство читателей, с непривычки видит в нынешних романистах глубочайших знатоков природы человеческой. Но уже «словесность отчаяния» (как назвал ее Гете), «словесность сатаническая» (как говорит Соувей), словесность гальваническая, каторжная, пуншевая, кровавая, сигарочная и пр., – эта словесность, давно уже осужденная высшею критикою, начинает упадать даже и во мнении публики» [5, т. 9, с. 137–138].	«Ведь искусство не дагерротип, и такой большой мастер, как г-жа Санд, мог бы обойтись без этих капризов художника с несколько пресыщенным вкусом. ...У этой женщины – дар передавать самые тонкие, самые мимолетные впечатления уверенно, ясно и понятно; она умеет рисовать даже благоухания, даже мельчайшие звуки...» [8, т. 1, с. 257]. «Золя, кажется, написал длинную статью о г-же Санд в своем русском журнале; статья очень хороша – но, говорят, немного суховата. Золя не в состоянии в полной мере судить о г-же Санд. Между ними слишком большое расстояние» [8, т. 12, с. 289].
О психологии/ специфике/ технологиях творчества	«Я совершенно не умею писать ради денег» [5, т. 10, с. 239].	«Я никогда не могу заставить себя писать, если не имеется для этого внутреннего импульса» [7, т. 1, с. 80]. «Вся моя биография – в моих сочинениях». «Сочинять я никогда ничего не мог. Чтобы у меня что-нибудь вышло, надо мне

Продолжение табл. 1

		постоянно возиться с людьми, брать их живьем. Мне нужно не только лицо, его прошедшее, вся его обстановка, но и малейшие житейские подробности. Так я всегда писал, и все, что у меня есть порядочного, дано жизнью, а вовсе не создано мною. Настоящего воображения у меня никогда не было» [7]. <i>О силе психологизма в произведении</i> (во времена Пушкина человеческая и писательская мысль выражали иные задачи, еще только подступаясь к эре психологизма в литературе). «Психолог должен исчезнуть в художнике, как исчезает от глаз скелет под живым и теплым телом, которому он служит прочной, но невидимой опорой» [8, т. 12, с. 139].
О поэзии/прозе	«Цель поэзии – поэзия» [5, т. 9, с. 154]. «Боюсь, чтоб проза жизни твоей не одолела поэзии души» [5, т. 9, с. 184]. «Предприми постоянный труд, ... образуй наш метафизический язык, зарожденный в твоих письмах» [5, т. 9, с. 164]. «...Возьмись-ка за целый роман и пиши его со всюю свободою разговора или письма» [там же, с. 244].	«Вдохновенная и простая поэзия, великая любовь к правде, сочетающаяся с редкостной чуткостью ко всякой лжи или пустословию, поразительная сила психологического анализа, а также тонкое чувство природы, непревзойденный дар создавать типы, нечто очень живое и в то же время возвышенное – вот чем определяется этот прекрасный талант, который, оставаясь сугубо русским, уже обрел в Европе поклонников, число коих будет неизменно возрастать» [7, т. 12, с. 414].
О переводе произведений на европейские языки	«Нет сомнения, что, стараясь передать Мильтона <i>слово в слово</i>, Шатобриан, однако, не мог соблюсти в своем преложении верности смысла и выражения. <i>Подстрочный перевод никогда не может быть верен</i>. Каждый язык имеет свои обороты, свои условленные риторические фигуры, свои усвоенные выражения, которые не могут быть переведены на другой язык соответствующими словами. Возьмем первые фразы: <i>Comment vous portez-vous; How do you do</i>. Попробуйте перевести их слово в слово на русский язык» [5, с. 232–233]. «Если уже русский язык, столь гибкий и мощный в своих оборотах и средствах, столь переимчивый и общежительный в своих отношениях к чужим языкам, не способен к переводу подстрочному, к предложению слово в слово, то каким образом язык французский, столь осторожный в своих привычках, столь пристрастный к своим преданиям, столь неприязненный к языкам, даже ему единоплеменным, выдержит таковой опыт...? Они нашли его слишком поверхностным, слишком недостаточным...» [5, с. 233].	«Г-н Стифен не скрывал от самого себя трудностей своего предприятия: перевод в прозе имел бы на своей стороне важное преимущество большей точности и верности – но поэтическая физиономия утратила бы свои права. Должно сознаться, что г. Стифен – в целом – удачно решил свою задачу, хотя он и был вынужден в иных местах своего переложения несколько расплыться в ширину и прибегать к риторической фразеологии, освещенной байроновской традицией» [7, т. 12, с. 176]. «Мы только хотим напомнить, что проза, даже французская проза, и она-то, может быть, в особенности, бессильна передать с чем-то несколько большим, чем точность смысла, все красоты поэзии, о которой русские единодушно говорят, что она соединяет силу и величие Корнеля с изяществом и тонкостью Расина. ...признать недостаточность этих переводов, то пусть в честь Пушкина их воображение придет нам на помощь и постарается прибавить к нашей простой канве поэтический узор, который мы поневоле сняли с его творений» [8, т. 3, с. 81]. «...перевод г. Вронченко можно рассматривать с двух сторон: по отношению между свойством таланта переводчика и сочинением, которое он перевел, и по отношению к воззрению переводчика на переведенное им творение. Доселе

Продолжение табл. 1

		г. Вронченко переводил сочинения совершенно в другом духе, нежели «Фауст»; самый «Манфред» Байрона, может быть, навеянный чтением «Фауста», существенно от него разнится. «Фауст» – произведение по преимуществу романтическое и немецкое: для людей, которых склад ума исключительно практический, оно почти недоступно; они поймут не только «Макбета», но и «Гамлета», а «Фауст» все-таки будет для них странен. И потому очень естествен вопрос: по роду и направлению своего таланта мог ли г. Вронченко с полным успехом воспроизвести на русском языке туманное создание Гёте?» [7, т. 12, с. 196]. «Всякий перевод назначен преимущественно для не знающих подлинника. Переводчик не должен трудиться для того, чтоб доставить знающим подлинник случай оценить, верно или неверно передал он такой-то стих, такой-то оборот, он трудится для «массы». Как бы ни была предубеждена масса читателей в пользу переводимого творения, но и ее точно так же должно завоевать оно, как завоевало некогда свой собственный народ. Но на массу читателей действует одно несомненно прекрасное, действует один талант; талант, творческий дар, необходим переводчику; самая взыскательная добросовестность тут недостаточна» [7, т. 1, с. 227]. «Чем более перевод нам кажется не переводом, а непосредственным, самобытным произведением, тем он превосходнее; читатель не должен чувствовать ни малейшего следа той ассимиляции, того процесса, которому подвергся подлинник в душе переводчика; хороший перевод есть полное превращение, метаморфоза. Такой перевод не может быть неверным» [7, т. 5, с. 229].
Тургенев		
Переход к критике романтизма		
«В их произведениях истинного патриотизма, родного смысла, понимания народного быта, сочувствия к жизни предков» [7, т. 12, с. 80]. «...горькое и смутное беспокойство... возбуждает в нас каждое творение лорда Байрона, этой надменной, глубоко симпатичной, ограниченной и гениальной натуры...» [там же, с. 23].		
О женских образах		
«Одно ему не совсем далось, как и почти всем нашим писателям, даже Гоголю, – женщины...» [7, т. 1, с. 92].		
О авторе/рассказчике в произведениях		
«Искусство торжествует свою высшую победу только тогда, когда лица, созданные поэтом, до того кажутся читателю живыми и самобытными, что сам творец их исчезает в глазах его, – когда читатель размышляет о создании поэта, как о жизни вообще...» [7, т. 12, с. 146].		
О предпочтении малым формам и временным разрывах		
«О романе Е. Тур: Главный его недостаток-несоразмерная длиннота» [7, т. 4, с. 104]. «Слог г-жи Тур, как мы сказали выше, небрежен. Речь ее болтлива, часто водяниста и вообще более музыкальна, чем живописна; но в этом мы ее упрекать не станем. Это ее недостаток, и это ее достоинство в одно и то же время» [7, т. 4, с. 139].		

Окончание табл. 1

«Между третьей и четвертой частью существует шестилетний промежуток. Мы вообще небольшие охотники до таких внезапных скачков. Большею частью интерес останавливается и замирает на той самой точке, где перервалась нить рассказа» [там же, с. 137]. Тургенев считает, что **больших временных разрывов в произведении быть не должно**.

«Роман – роман в четырех частях! Знаете ли, что, кроме женщины, никто в наше время в России не может решиться на такой трудный, на такой во всяком случае длинный подвиг?» [там же, с. 127].

На основании вышеприведенных цитат и изучения метапоэтических текстов очевидно, что оба писателя предстают мастерами малых жанров.

И Пушкин, и Тургенев точны в своих высказываниях, соразмерны, немногословны. В романном жанре Тургенев также считал, что одним из достоинств такого произведения является его лаконичность. Исключительная образованность обоих авторов позволяла им оценивать произведения мировой литературы, особенно европейской (французской, а также английской, немецкой) и слыть ее знатоками.

Тургенев в наследовании пушкинской традиции выглядит как собиратель ее лучших эстетических элементов: он продолжал считать, что и в прозаическом произведении должна быть своя простая, вдохновенная поэзия, только выраженная прозой; по его мнению, новая социально-политическая ситуация требовала уже более устойчивого стиля, т. к. писатель постепенно пришел к выводу, что поэзия в современном ему историческом периоде является инструментом «младых» народов, не подходящей своей эмоциональностью для отражения социально-политической ситуации 50–60-х гг. XIX в., требующей рационального подхода, а не чувства.

Тургенев – мастер жизнеописания, хотя художник не может вообще не использовать свою фантазию. Тем не менее на протяжении своей творческой жизни он находился во внутренней полемике относительно формы произведения и его архитектоники, и даже в 1880 г. на открытии памятника Пушкина в своей речи представляет свои суждения о поэзии и прозе, в которой поэзию он считает формой младых народов, младенчеством. Следует подчеркнуть, что концепт младенец/взрослый занимают особое место во всем творчестве писателя [8]. В нем выражается один из основных моментов его особого мнения относительно творчества. Писатель не высказывался позитивно и, по его собственному выражению, «по поводу длинот», но «Война и мир», «Братья Карамазовы», «Идиот» к этому времени были созданы.

Метапоэтика Пушкина отражает различную полемику, дискуссию и споры о поэзии, постепенный переход от поэзии к прозе; Тургенев, продолжив с ним внутренний спор о форме произведения, ознаменовал формирование романного жанра, отразил технологию его создания и произведения прозы вообще, психологию автора.

Психологизм в творчестве писателей проявляется следующим образом: в повестях Ивана Сергеевича пушкинский романтический психологизм предстает в максимально глубокой степени, так как в 70-е гг. XIX в. мысль философов, писателей подошла к стадии глубокого осмысления человеческой психологии, которая именно в это десятилетие, в 1879 г. была признана наукой, благодаря усилиям немецкого психолога Вильгельма Вундта, ее основоположника. Сны и видения в «таинственных повестях» проявлены как еще один особый, специфический элемент психологизма, который Пушкин использует в творчестве разово (во времена Пушкина человеческая и писательская мысль выражали иные задачи, еще только подступаясь к эре психологизма в литературе), но Тургенев глубоко, детально описывает. В тургеневский текст включено гораздо больше элементов автопсихологизма.

Пушкин в метапоэтическом тексте предстает носителем энциклопедических знаний по орфографии, грамматике, синтаксису, стихосложению. Национальную самобытность текста он считает одним из главных достоинств в литературе. Поэт высоко ценит юмор как показатель высокохудожественного произведения.

Тургеневский метапоэтический текст при этом содержит больше самоинтерпретации, что позволяет его более подробное вертикальное прочтение.

Тургенев, так же как и Пушкин, радуется о правдоподобию изображения, правдивости диалога, но в отличие от него в своем творчестве не пытается воссоздать исторические фигуры.

Обоим писателям удаются женские образы, что Тургенев считал неоспоримым достоинством творчества.

Переводчики Пушкин и Тургенев скрупулезно работали над лексической стороной перевода. Будучи переводчиком произведений Пушкина, Тургенев, как известно, пытался совла-

дать с переводческой непластичностью пушкинских произведений. Для Пушкина перевод это попытка перевыразить свое «эстетическое восприятие» [2], о переводах Тургенева верно сказано, что в этом процессе писатель осуществлял «эстетический синтез», «рефлексируя над каждым отрывком» [3, с. 101], считая главным постулатом перевода ощущение «единой, глубокой, общей связи между художником и переводчиком» [7, т. 1, с. 227]. Оба писателя работали в рамках переводческих представлений 19 в., которые не во всем созвучны современной переводческой традиции.

Таким образом, если судить по их собственным высказываниям, Пушкин и Тургенев наиболее сближаются в фокусе малых жанров, точности, краткости, правдоподобности и простоте, сдержанном психологизме повествования, характере трансляции произведения на иностранные языки, экспертности в литературе. Будучи представителями оппозиционных религиозно-философских течений (славянофильство и западничество), писатели во многом созвучны во взглядах на природу эстетики литературного произведения. Особая глубина эстетического совершенства в их произведениях была достигнута, несмотря на разность подходов и мнений к осмыслению романтизма как метода, формы произведения (поэзии/прозы), в объективном или автопсихологическом подходе к отражению действительности.

Список литературы

1. *Боборыкин П. Д.* Тургенев дома и за границей. «Новости». 1883. № 177.
2. *Владимирский Г. Д.* Пушкин-переводчик // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии / АН СССР. Ин-т литературы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1939. Вып. 4/5. С. 300–330.
3. *Волков И. О. И. С.* Тургенев – переводчик Шекспира. Имагология и компаративистика. 2019. № 11. С. 97–120.
4. *Курбакова М. А.* Проблема семьи и детства в творчестве И. С. Тургенева : дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.01. М., МГУ, 2005. 179 с.
5. *Пушкин А. С.* Собрание сочинений : в 10 т. Т. 9. М. : Художественная литература, 1962.
6. Три века русской метапоэтики: легитимация дискурса : антология : в 4 т. Ставропольское книжное издательство, 2002.
7. *Тургенев И. С.* Полное собрание писем : в 18 т. М. : Наука, 1978–2014.
8. *Тургенев И. С.* Полное собрание сочинений : в 12 т. М. : Наука, 1978.
9. *Чугуева Д. А.* Жанры эпической прозы в метапоэтике И. С. Тургенева (теория и поэтика романа) : дипломная работа. Ставрополь, 2009. 57 с.
10. *Штайн К. Э., Петренко Д. И.* Русская метапоэтика : учебный словарь / под ред. проф. В.А. Шаповалова. Ставрополь : Изд-во СГУ, 2006.

Some notes on the views of Russian classics on literary creativity

Kurbakova Marina Andreevna

PhD in Philology, associate professor of the Department of Foreign Languages, Moscow Polytechnic University. Russia, Moscow. ORCID: 0000-0002-1173-921X. ResearcherID: AAI-2014-2020. E-mail: mkurbakova@inbox.ru

Abstract. The subject of research in this article is the metapoetic data of writers contained in their literary, critical and epistolary heritage. The theme of the work is determined by the aesthetic analysis of the degree and nature of the continuity of the Pushkin tradition in the works of Russian writers of the 19th century. The purpose of the work is to consider the metapoetic data of the legacy of Pushkin and Turgenev, to identify their characteristic features. Aesthetic and historical-literary methodological approaches were used in this work. The study was conducted using a continuous sampling method. The results of understanding the stated topic are presented. The novelty of the research is seen in an attempt to comprehend Pushkin's and Turgenev's metapoetics within the framework of aesthetic analysis, a selection of key ideas about literary creativity and combining them in one work. The relevance of the research is determined by the tasks of consistent consideration of metapoetics, its general vector and nuances for detailing succession issues. In the course of the research, a review of the corpus of works by writers with deep knowledge and a theoretically grounded position on this issue was carried out, which allows us to draw the conclusions presented in the study: brevity, accuracy, truthfulness are inherent in both masters of small genres, Turgenev inherits elements of Pushkin's aesthetics, although he is not a poet; deepens, develops and transforms romantic psychologism; Pushkin The text focuses on national identity, sometimes on historicism; Turgenevsky focuses more on self-interpretation, autopsychologism. The results and materials of the research can be used in classes on Russian literature of the 19th century in secondary and higher schools, as well as at specialized seminars of philological faculties of universities.

Keywords: metapoetic text, Pushkin's metapoetics, Turgenev's metapoetics, creativity, criticism, epistolary heritage.

References

1. Boborykin P. D. *Turgenev doma i za granicej. "Novosti"* [Turgenev at home and abroad. "Novosti"]. 1883. No. 177.
2. Vladimirskij G. D. *Pushkin-perevodchik* [Pushkin-translator] // *Pushkin: Vremennik Pushkinskoj komissii* – Pushkin: The Time worker of the Pushkin Commission / USSR Academy of Sciences. Institute of Literature, M. ; L. Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1939. Is. 4/5. Pp. 300–330.
3. Volkov I. O. I. S. Turgenev – perevodchik Shekspira. *Imagologiya i komparativistika* [I. S. Turgenev– Shakespeare's translator. Imagology and comparative studies]. 2019. No. 11. Pp. 97–120.
4. Kurbakova M. A. *Problema sem'i i detstva v tvorchestve I. S. Turgeneva : diss. ... kand. filol. nauk: 10.01.01* [The problem of family and childhood in the works of I. S. Turgenev : diss.... PhD in Philology: 10.01.01]. M. Moscow State University, 2005. 179 p.
5. Pushkin A. S. *Sobranie sochinenij : v 10 t. T. 9* [Collected works : in 10 vols. Vol. 9]. M. Khudozhestvennaya Literatura (Fiction), 1962.
6. *Tri veka russkoj metapoetiki: legitimaciya diskursa : antologiya : v 4 t.* – Three centuries of Russian Metapoetics: Legitimization of Discourse : anthology : in 4 vols. Stavropol Book Publishing House, 2002.
7. Turgenev I. S. *Polnoe sobranie pisem : v 18 t.* [Complete collection of letters : in 18 vols.]. M. Nauka (Science), 1978–2014.
8. Turgenev I. S. *Polnoe sobranie sochinenij : v 12 t* [Complete works : in 12 vols.]. M. Nauka (Science), 1978.
9. Chugueva D. A. *Zhanry epicheskoy prozy v metapoetike I. S. Turgeneva (teoriya i poetika romana) : diplomnaya rabota* [Genres of epic prose in the metapoetics of I. S. Turgenev (theory and poetics of the novel) : thesis]. Stavropol, 2009. 57 p.
10. Shtajn K. E., Petrenko D. I. *Russkaya metapoetika : uchebnyj slovar'* [Russian metapoetics: an educational dictionary] / ed. by prof. V. A. Shapovalov. Stavropol. Publishing House of SSU, 2006.

Поступила в редакцию: 11.07.2024

Принята к публикации: 28.10.2024